

ДНЕВНИК

ОТЧАЯВ-

ШЕГОСЯ

ФРИДРИХ РЕК-МАЛЛЕЧЕВЕН

TAGEBUCH

EINES
VER-

RECHTEN

Фридрих Рек-Маллечевен
Дневник отчаявшегося

«Издательство Ивана Лимбаха»

1936-1947, 2015

УДК 821.112.1-94 «20» + 94 (430) «194» = 161.1=03.112.2
ББК 84.3 (4Гем) 64-49 + 63.3 (4Гем) 62-021 83.3

Рек-Маллечевен Ф.

Дневник отчаявшегося / Ф. Рек-Маллечевен — «Издательство
Ивана Лимбаха», 1936-1947, 2015

ISBN 978-5-89059-516-4

В дневнике, записи в котором появлялись с мая 1936-го до ареста автора в октябре 1944 года, Фридрих Рек-Маллечевен с беспрецедентной остротой описывает варварство национал-социализма, предвидя неизбежный крах режима. Текст Река-Маллечевена, впервые опубликованный в 1947 году, стал наиболее известным его произведением и одним из самых важных документов гитлеровского периода. Дневник переведен на французский, голландский, английский, итальянский и испанский языки. Фридрих Рек-Маллечевен (1884-1945) — немецкий писатель, журналист. В 1944 году был помещен в концлагерь Дахау, где и погиб в феврале 1945 года. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.112.1-94 «20» + 94 (430) «194» = 161.1=03.112.2

ББК 84.3 (4Гем) 64-49 + 63.3 (4Гем) 62-021 83.3

ISBN 978-5-89059-516-4

© Рек-Маллечевен Ф., 1936-1947, 2015

© Издательство Ивана
Лимбаха, 1936-1947, 2015

Содержание

Предисловие	7
Дневник отчаявшегося	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Фридрих Рек-Маллечевен
Дневник отчаявшегося. С
послесловием Петера Чойка**

FRIEDRICH RECK-MALLECZEWEN
TAGEBUCH EINES VERZWEIFELTEN
Mit einem Nachwort von Peter Czoik

Allitera Verlag
München
2015

Перевод этой книги осуществлен при поддержке Гёте-Института
The translation of this work was supported by a grant from the Goethe-Institut

Перевод выполнен по изданию:
Reck-Malleczewen F. *Tagebuch eines Verzweifelten*.
Allitera Verlag, München, 2015

- © Christine Zeile, примечания, 2015
- © Peter Czoik, послесловие, 2015
- © Н. А. Власов, предисловие, 2023
- © Н. Л. Елисеев, статья, 2023
- © А. В. Бояркина, перевод, 2023
- © Н. А. Теплов, оформление обложки, 2023
- © Издательство Ивана Лимбаха, 2023

Предисловие

Николай Власов

Вопрос об исторических корнях Третьего рейха остается на повестке дня уже много десятилетий. Спектр ответов весьма широк. На одном его краю – тезис о нацизме как исторической случайности, результате немислимого стечения обстоятельств и демонической личности Гитлера, жертвой которой стал немецкий народ. Но другом – представление о Третьем рейхе как логическом завершении длительного периода германской истории, о прямой дороге, ведущей из прусского прошлого через бисмарковские «железо и кровь» к Аушвицу. Между этими двумя крайними объяснениями – нелепой случайностью и не знающей альтернатив закономерностью – находится бесчисленное множество промежуточных интерпретаций. История как нечто минувшее, свершившееся не знает сослагательного наклонения, но как знание о прошлом, как осмысление опыта и уроков не просто знает его, а безусловно в нем нуждается. И вопрос о том, могла ли германская история пойти по иному пути, отнюдь не является пустой игрой ума.

В поисках корней, причин, виновников «немецкой катастрофы» XX века мы неизбежно обращаемся к документам эпохи, к свидетельствам очевидцев. В первую очередь тех, кто наблюдал происходящее не с безопасной дистанции, а из самой гущи событий. Разумеется, их взгляд был глубоко субъективным и во многих отношениях ограниченным. Однако, в отличие от написанных профессиональными историками монографий, эти дневники и воспоминания обладают одним важным преимуществом. Они дают нам возможность посмотреть на происходившее не «с высоты птичьего полета», а глазами непосредственного участника событий, понять, как воспринимался нацистский режим «изнутри», что думали и чувствовали немцы, которым не повезло оказаться его современниками. Так нам гораздо легче представить себя на их месте и не просто узнать, а почувствовать минувшую эпоху. Их ошибки, заблуждения, преувеличения помогают нам понять и исправить наши собственные.

Многие подданные Третьего рейха пытались осмыслить окружающую их реальность; далеко не все из них решались доверить свои размышления бумаге. Фридрих Рек-Маллечевен относится именно к таким авторам. Он не столько описывает происходящее, сколько пытается понять, как такое могло произойти с ним и его страной. Его дневник с самой первой и до последней строчки проникнут яростной ненавистью к нацизму, ненавистью, через призму которой Рек смотрит на окружающий мир, воспринимает новости и слухи. Истории, которые он рассказывает, часто не отличаются достоверностью; однако сам он верил в них. И, вчитываясь в эту картину, состоящую из обрывков новостей, личных наблюдений, воспоминаний и сплетен, мы невольно задумываемся: а не является ли эта смесь характерной и для нашего собственного восприятия тех событий, которые происходят сегодня вокруг нас?

Естественно, для лучшего понимания и осмысления эпохи важно посмотреть на нее с разных точек зрения. Рек был убежденным противником Гитлера и нацизма. Однако в современной ему Германии к числу противников режима относились люди с совершенно разными убеждениями. Далеко не все из них тосковали по республике и позитивно относились к демократии; кроме ненависти к Гитлеру, у них порой оказывалось удивительно мало общего. Разумеется, это затрудняло взаимодействие между ними. Невозможно не вспомнить знаменитую фразу Мартина Нимёллера: «Когда нацисты забрали коммунистов, я промолчал, ведь я не коммунист; когда они бросили в тюрьму социал-демократов, я промолчал, ведь я не социал-демократ; когда они забрали профсоюзных деятелей, я промолчал, ведь я не профсоюзный деятель; когда они забрали меня, не осталось уже никого, кто мог бы протестовать».

Рек тоже не был ни коммунистом, ни социал-демократом, ни профсоюзным деятелем. Он относился к противоположному крылу политического спектра – классическим консерваторам, тосковавшим о прекрасном прошлом (или, вернее сказать, о мифологизированном образе этого прошлого). В годы Первой мировой войны Рек славил немецкое оружие. Будучи убежденным монархистом, он крайне негативно воспринял Ноябрьскую революцию 1918 года и свержение императора. К Веймарской республике он, как и довольно многочисленные его единомышленники, относился с отвращением и брезгливостью. Река часто относят к деятелям так называемой консервативной революции – течению немецких интеллектуалов, выступавших против либерализма, демократии и социализма, за традиционные германские ценности. Именно в этой среде стало популярным в 1920-е годы понятие «Третий рейх» как проект консервативного государства, противостоящего разлагающим новомодным веяниям.

«Консервативную революцию» часто называют предтечей немецкого нацизма. И действительно, из арсенала правых интеллектуалов нацисты позаимствовали очень многие вещи, включая термин «Третий рейх». Однако сами деятели «консервативной революции» были далеко не едиными в своем отношении к Гитлеру и его партии. Их элитарные концепции плохо сочетались с «плебейским» характером нацизма. После 1933 года многие из них ушли во внутреннюю эмиграцию, уехали из страны или встали на путь сопротивления.

И все же объективно немецкие консервативные интеллектуалы помогли приходу Гитлера к власти. Они доступными им средствами боролись против Веймарской республики; пропагандировали тезисы и представления, являвшиеся важными составляющими нацистской идеологии, – об особом пути германского народа, формировании единого «народного сообщества», необходимости сильного вождя-мессии, о губительности либеральных и марксистских идей. Они во многом сделали национал-социализм приемлемым для консервативных элит – от университетских профессоров до генералитета.

Сознавал ли Рек ответственность консервативных интеллектуалов – свою собственную ответственность – за происходящее? В его дневнике сложно отыскать следы подобной рефлексии. Приход к власти Гитлера оставался для него отчасти нелепой случайностью, отчасти результатом столь нелюбимых им процессов модернизации. Большие города, промышленность, власть денег, приход масс в политику – все это, по мнению Река, являлось симптомами масштабного кризиса, гибели милой его сердцу «истинной Германии» прошедших веков. Прусские элиты, с его точки зрения, потеряли себя, вступив в союз с крупным капиталом; итогом стали «разрушение основ» и «американизация» (слово, которое Рек, как и все европейские консерваторы, использовал в сугубо негативном ключе).

Список виновных в случившемся со страной у Река весьма обширен. В него входят даже деятели консервативного Сопротивления, попытавшиеся 20 июля 1944 года свергнуть Гитлера. В своем дневнике Рек называет их приспособленцами, которые предали сначала императора, затем республику и потом долгие годы пресмыкались перед Гитлером (что было отчасти справедливо). Он выносит жестокий приговор всему немецкому обществу, называя его совершенно выродившимся, используя такие хлесткие выражения, как «стадо троглодитов». Сам автор, безусловно, относит себя не к «троглодитам», а к «лучшим немцам». Но остались ли они, эти лучшие? Остается ли еще надежда в ситуации, мрачнее которой невозможно себе представить?

Самым знаменитым из опубликованных при жизни произведений Река стал роман, посвященный истории Мюнстерской коммуны 1534–1535 годов – малоизвестному в России эпизоду ранней Реформации, когда власть в одном из наиболее значимых немецких городов захватили радикальные анабаптисты, ненадолго установившие там теократический режим. Вышедшая в свет в 1937 году, эта книга имела большой успех; ее хвалили как за художественные достоинства, так и за внимание к историческим деталям. Сам автор рассматривал роман одновременно как скрытую сатиру и недвусмысленную аналогию. В дневнике он напрямую отождествлял Мюнстерскую коммуну с Третьим рейхом – общим между ними было массо-

вое помешательство, охватившее благовоспитанное общество и заставившее его подчиняться ничтожеству. Взгляд Река в будущее своей страны в целом довольно пессимистичный. Это неудивительно, учитывая, что нацизм в его глазах являлся лишь одним, наиболее крайним, проявлением новой эпохи заводов и масс. Однако проводимые им самим исторические параллели давали повод для оптимизма: Мюнстерская коммуна оказалась недолговечной, город страхнул с себя наваждение. Он отчаянно искал ростки «новой Германии» – в лице баварских крестьян или студентов, расклеивавших антиправительственные листовки, – но, похоже, не очень верил в них. Или, по крайней мере, в то, что сумеет увидеть их своими глазами.

Эта новая Германия все-таки появилась на свет вскоре после смерти Река. Совсем не такая, какой он, вероятно, хотел бы ее видеть, но тем не менее излечившаяся от коричневой болезни, отказавшаяся и от утопии «Третьего рейха», и от ностальгии по утраченному прошлому. И это еще один урок, который мы можем извлечь из чтения дневника Фридриха Рек-Маллечевена: мрачные прогнозы современников сбываются далеко не всегда; каким бы отчаянным ни казалось сегодняшнее положение, будущее может оказаться гораздо светлее, чем мы осмеливаемся надеяться.

Дневник отчаявшегося

Май 1936

Шпенглер¹ покинул нас. Такая сильная личность имеет право на смерть всего двора, подобно почившему махарадже, поэтому через несколько дней после его кончины и Альберс, отвечающий за публикации шпенглеровских произведений в издательстве «Бек», ушел из жизни, причем совершенно жутким образом, бросившись под пригородный поезд в Штарнберге, где его нашли истекшего кровью с перебитыми ногами. Шпенглера я видел несколько недель назад на Байерштрассе, все в том же костюме из дорогого сукна и все с теми же проклятиями и мрачными пророчествами, которые выдавали жажду мести и оскорбленное самолюбие. Хотелось бы рассказать о нем...

Помню нашу первую встречу, когда тот самый Альберс познакомил нас. В небольшом, явно не приспособленном для подобной нагрузки автомобиле сидел массивный мужчина, который казался еще массивнее из-за толстого шерстяного пальто, в нем все было бесконечно надежным и солидным – глубокий бас и знакомый пиджак из шерстяного сукна, аппетит за ужином и поистине циклопический храп ночью, который, как громыхающий лесопильный завод, будил гостей моего загородного дома в Кимгау. В то время, до большого успеха его большого труда и до жизненно важного решения уйти в лагерь магнатов тяжелой промышленности, он еще мог быть веселым и простым, а иногда его величество было готово даже зайти в речку недалеко от моего дома и с удовольствием поплавать. Позже было бы невысказано предстать перед бедными батраками и крестьянами в купальном костюме и в их присутствии фыркающим Тритоном подниматься на берег.

Он представлял собой самую странную, на мой взгляд, смесь настоящего человеческого величия и небольших и одновременно больших слабостей, за упоминание которых, надеюсь, меня не упрекнут сегодня, когда я прощаюсь с ним. Как человек, он был одним из великих меланхолических обжор, которые с печальными глазами любят устраивать оргии за одиноким столом, и я со светлой грустью вспоминаю вечер, когда в моем доме за небольшим ужином на троих – это было в последние недели Первой мировой войны, и нельзя было подавать гостям слишком много – он, поучая всех, с жадностью поглотил целого гуся, не оставив двум товарищам – а за столом, кроме меня, сидел еще и Альберс – ни кусочка. Его пристрастие к пышным обедам, которые потом подавали промышленники-покровители, было не единственной чертой, казавшейся смешной. Когда я познакомился с ним, еще до первого большого успеха, он попросил не приходиться в его маленькую квартирку (думаю, на Агнесштрассе в Мюнхене), потому что там было слишком тесно, но позже он надеялся показать мне библиотеку во всей своей монументальности в другой обстановке. В 1926 году, когда он присоединился к могущественному Лангнамферайну² и переехал на помпезную Виденмайерштрассе на набережной Изара, он провел меня по веренице огромных залов, показал ковры, и картины, и даже кровать, которая при ширине в пять футов была уже достопримечательностью и напоминала катафалк... но он был явно смущен, когда напоследок я захотел пройти в библиотеку. В конце концов, не сдавшись, я оказался в довольно маленькой комнатке, где на изрядно потертом стеллаже из орехового дерева, рядом с бесконечной серией томов мировой истории Ульштейна

---

¹ Освальд Шпенглер (1880–1936) – немецкий мыслитель, публицист консервативно-националистического направления, автор книги «Закат Европы» (1 т. – 1918; 2 т. – 1922). Из-за антидемократической позиции считался одним из духовных идеологов национал-социализма, к которому он все же относился критически. *Здесь и далее примечания Кристине Цайле. Примечания переводчика снабжены соответствующей пометой.*

² Лангнамферайн (Langnamverein) – Союз по защите общих экономических интересов в Рейнской области и Вестфалии; ассоциация предпринимателей, основанная в 1871 г. Ее политика была направлена на максимальную независимость от государства, и до 1945 г. она была одной из самых важных организаций, защищавших интересы немецкой экономики.

и детективных романов, стояли так называемые «грязные книжки». Никогда еще я не видел человека с таким мизерным чувством юмора и такой ранимостью при малейшей критике. По воле судьбы в «Закате Европы», наряду с великими выводами, он допустил множество опечаток, погрешностей и ошибок, хотя изо всех сил ненавидел неточность... так, Достоевский у него родился в Петербурге, а не в Москве, герцог Бернгард Веймарский умер *до* убийства Валленштейна, а ведь из всех этих ошибок делаются весомые выводы. Горе тому, кто осмелился бы обратить его внимание на эти вещи, хотя они могут случиться с каждым! Помню забавную сцену в моем доме, когда после ужина он по привычке начал читать лекцию и проповедовать, а в перерывах занимался катехизацией одного из своих учеников, который был среди гостей. Забавно, что ученик, недавно вернувшийся из Африки с тяжелой формой малярии, заснул и очень громко храпел в своем кресле, но между храпом на все вопросы мастера в духе «His Masters Voice»³ отвечал быстро и с абсолютно шпенглеровской интонацией. Учитель мог быть доволен и, конечно, должен был бы рассмеяться, но он оскорбился до глубины души и не хотел отныне иметь ничего общего с этим грешником. Он был человеком, абсолютно лишенным чувства юмора, я такого потом не встречал; в этом отношении его может превзойти только герр Гитлер с его нацизмом, у которого есть все перспективы умереть либо от неприятного отсутствия чувства юмора, либо от скуки общественной жизни, которая впала в трупное окончание при его правлении и которая вгоняет нас в тоску уже четвертый год. Но возвращаясь к Шпенглеру: тот, кто думает, что, перечисляя множество слабостей, я пытаюсь его принизить, ошибается. Мне не нужно напоминать о его бессмертной ранней работе о Феокрите, о том, что он привел наконец в систему представления целого поколения: кто когда-либо сталкивался с ним, знает об ауре значимости, которая не ослабевала даже в неудачные моменты, о склонности к особой человеколюбивой проповеди, которая жила в нем, помнит о лике, в котором проглядывал стоицизм позднеримских скульптурных портретов.

Предвидел ли он взрыв иррационального, обступившего теперь нашу жизнь со всех сторон... подозревал ли, что провозглашенный им *закат Европы* означает крушение мира, созданного за последние четыреста лет человеком эпохи Возрождения, – я не знаю. Роковой ошибкой стала его зависимость от магнатов тяжелой промышленности, в которую он попал в середине карьеры и которая со временем стала влиять на его мышление: я ума не приложу, как можно примирить грандиозное пророчество о великом будущем христианства Достоевского, высказанное в 1922 году во втором томе «Заката», с технократической аподиктикой⁴ своих поздних произведений. Его трагедия заключалась в том, что высокоинтеллектуальная и... мне бы хотелось сказать, *приват-доцентская* тоска не позволила ему поверить в богов, не говоря уже о Боге. Ученики покинули его в тот момент, когда примерно в 1926 году он заключил мир с немецким настоящим: не с нацистами – я не знаю никого, кто, ложась спать, во сне и просыпаясь, ненавидел бы их так же сильно, как он, – а с теми лихими коммерсантами из Рура, которые после падения монархии сделали себя настоящими хозяевами государства и с готовностью восприняли тоску Шпенглера по патрицианской и гедонистической жизни. Энергия этого духа, которому мы обязаны пророчествами первого произведения, иссякла в тот момент, когда вороны... не святого Антония, а господ Тиссена и Хёша⁵, стали щедро поставлять к его столу дорогие бургундские вина.

³ Англ. «His Masters Voice» (сокращенно НМV) – британская торговая марка, на которой изображена собака, слушающая граммофон (дословно: «Голос его хозяина»). *Примеч. пер.*

⁴ Аподиктика – от греч. apo – и deiknupai – объяснять. Умозрение, по которому известная вещь признается необходимой, причем это сознание является результатом чисто логического процесса и не может быть достигнуто опытным путем. *Примеч. пер.*

⁵ Фриц Тиссен (1873–1951) и братья Хёш – руководители одноименных предприятий немецкой тяжелой промышленности. Наряду с другими магнатами, являлись финансовыми покровителями зарождающегося национал-социализма.

Естественно, он поддался эпикурейским наклонностям, пристрастии к жирным соусам и несравненному кулинарному искусству своей сестры, которая вела хозяйство. Нацисты в своей жалкой прессе, нацеленной на стигматизированных учителей народных школ и пришедших с фронта лейтенантов, болтающихся без дела, прославляют его возвращение и торжественно заявляют, что противники один за другим покинут этот мир. А между тем второй неопубликованный том «Годов решений»⁶, который бы вместе с первым томом превратил его в мученика, лежит спокойно в сейфе швейцарского банка в ожидании второго рождения, которое станет надеждой для всех нас.

Июль 1936

В Мюнхене, который когда-то был мне хорошо знаком и который сегодня, после исчезновения почти всех знакомых лиц, кажется чуть ли не чужим... в этом оккупированном пруссаками Мюнхене произошла забавная история. Господин Эссер⁷, министр транспорта, который из-за всем известной привычки должен называться скорее министром прелюбодеяний, заводит любовную интрижку с дочерью владельца винного погреба, расположенного недалеко от Хофбройхауса, и получает такие побои от возмущенного отца, что не может выйти на улицу и показаться в Мюнхене скомпрометированным.

По заведенным обычаям государства, отвечающего за «чистоту» своих учреждений, через несколько дней он взлетает по карьерной лестнице, то есть назначается на гораздо более высокую должность в Берлине, вступив в которую недавно объявил, что индивидуальные зарубежные поездки отныне уйдут в прошлое и что немцы смогут покинуть свою страну только в группах организации «Сила через радость». У всех нас, таким образом, есть перспектива лишиться оставшейся свободы передвижения и окончательно превратиться в пленников того стада злобных обезьян, которое три года назад завладело нашим домом.

Как? С одним берлинцем, который потом исчез из Германии, у меня об этом недавно состоялся очень, очень странный разговор. По его представлению, то, что сейчас нам преподносят как «захват власти» и «немецкую революцию», является гигантским шантажом старого Гинденбурга⁸. Пожилой маршал, который был изначально беден и в последние годы жизни очень хотел увеличить свое состояние, доверил, кажется, управление финансами сыну, известному полковнику фон Гинденбургу⁹, который консультировался, в свою очередь, с вездесущим господином Мейснером¹⁰, а в период перед 1929 годом сильно увлекся биржевыми бумагами и в конечном счете в разгар продолжающегося экономического кризиса неожиданно столкнулся с быстро растущим банковским долгом в тринадцать миллионов. В пользу старого маршала я охотно предположу, что он, тогда уже больной, ничего не знал о дальнейших действиях сына. В любом случае по этой версии Гинденбург-младший увлекся сомнительными манипуляциями, которые якобы были связаны с печально известной «Помощью Восточной Пруссии»¹¹ и, воз-

---

⁶ Второй том работы Шпенглера «Годы решений» («Jahre der Entscheidung») был закончен в 1933 г.

⁷ Герман Эссер (1900–1981) – один из первых соратников Гитлера, первый редактор газеты «Фёлькишер Beobachter», затем министр экономики Баварии; в 1935 г. назначен начальником отдела туризма в Рейхсминистерстве пропаганды и стал председателем рейхсгруппы по туризму.

⁸ Пауль фон Гинденбург (1847–1934) – генерал-фельдмаршал с 1914 г., избран рейхспрезидентом в 1925 г., сменив покойного Фридриха Эберта; переизбран в 1932 г. Когда в 1933 г. он назначил Гитлера рейхсканцлером, был уже не в состоянии судить о последствиях своего решения.

⁹ Оскар фон Гинденбург (1883–1960) – полковник, личный адъютант Пауля фон Гинденбурга с 1925 г. Монархист и антиреспубликанец, он имел значительное влияние на престарелого отца. Его можно отнести к силам, которые активно способствовали падению Веймарской республики.

¹⁰ Отто Мейснер (1880–1953) – государственный служащий, начальник канцелярии рейхспрезидента с 1920 г. Яркий пример сомнительной лояльности политически несамостоятельного государственного служащего, единственным мерилom которого является личная карьера. Беспрекословно выполнял свои обязанности при социал-демократе Эберте, монархисте Гинденбурге и диктаторе Гитлере, который даже повысил его, предоставив должность государственного министра в 1937 г.

¹¹ Немецкое правительство при Брюнинге учредило в 1930 г. «Фонд помощи Восточной Пруссии». Из этого фонда мил-

можно, с неожиданным падением Кабинета Брюнинга¹², к которому привела печально известная клика *Herrenklub*¹³. Согласно этой версии, разнюхавшие обо всех тайных манипуляциях нацисты, которые с помощью армии агентов уже летом 1932 года подорвали изнутри все органы государственного управления, добыли фотокопии самых важных документов и с тех пор чувствовали себя хозяевами положения. Гинденбург-отец, впервые принимающий Гитлера в августе 1932 года, говорит после этой памятной встречи, что «не сделает этого богемского капрала даже главным почтальоном, не говоря уже о канцлере», но в то время он уже, кажется, потерял свободу действий: иначе и не объяснить, почему, будучи главой государства, он умолчал о неслыханной наглости, с которой Гитлер в том же месяце приветствовал по телеграфу только что осужденных нацистов, убийц рабочего Потребы¹⁴, заверил их в своей защите, которая вскоре должна последовать, и тем самым высмеял государственную власть в лице Гинденбурга.

Как бы то ни было, на рубеже 1932–1933 годов, когда берлинская транспортная забастовка¹⁵ измотала членов бывшего Кабинета Папена¹⁶, а введенная центром аграрная программа помощи востоку¹⁷ была прекращена и это затронуло опасную тему управления имуществом имения Нойдек¹⁸ в лагере Гинденбурга, согласно этой версии, задрожали, и именно этот момент, похоже, выбрал Гитлер, чтобы выжать для себя канцлерство, в котором ему до сих пор было отказано. Некоторые моменты, о которых я узнал из других источников, прекрасно вписываются в эту гипотезу. Мрачный намек аналогичного характера сделал мне в ноябре 1932 года Грегор Штрассер¹⁹, которому впоследствии пришлось заплатить жизнью за свою оппозицию Гитлеру во время путча Рёма. Это объясняет проведение тайных совещаний, организованных и Гинденбургом, и Гитлером, которые предшествовали так называемой немецкой революции и, вероятно, при посредничестве фрау фон Шрётер проходили на вилле Риббентропа. На этих совещаниях присутствовал господин фон Папен, который со времен забастовки транспортников дрожал за состояние своей богатой жены, а теперь должен был играть очень, очень странную роль. В конце концов это объясняет довольно необычный нюанс, о котором я слышал от нескольких авторитетных людей и который с тех пор не перестают упоминать: а именно, что Шлейхер²⁰, противник этой акции, после разрыва с Гинденбургом приказал старшему Гин-

---

лиарды текли в карманы прусских землевладельцев, в то время как миллионы мелких фермеров не получали ничего.

¹² Генрих Брюнинг (1885–1970) – политик от католической партии Центра. В марте 1930 г. был назначен рейхсканцлером, сменив на этом посту социал-демократа Германа Мюллера. Его вступление в должность означало конец парламентских выборов правительств рейха. Тщетно пытался остановить политический и экономический кризис Германии с помощью чрезвычайных указов и программ жесткой экономии. Отправлен в отставку в мае 1932 г.

¹³ *Der Deutsche Herrenklub* – Клуб немецких джентльменов (с 1933 г. Немецкий клуб) – политическая ассоциация крупных землевладельцев, промышленников, банкиров, высокопоставленных чиновников. *Примеч. пер.*

¹⁴ Ошибка памяти автора. На самом деле в силезской деревне Потемпа 9 августа 1932 г. был убит национал-социалистами в собственном доме рабочий Конрад Питцух.

¹⁵ Пятидневная забастовка на берлинских транспортных предприятиях, начавшаяся 3 ноября 1932 г., была одной из самых массовых. Коммунисты и национал-социалисты совместно парализовали работу общественного транспорта из-за снижения заработной платы на 2 пфеннига.

¹⁶ Франц фон Папен (1879–1969) – крайне правый представитель центра, консервативный политик. Сменил Брюнинга на посту рейхсканцлера в июле 1932 г. В декабре 1932 г. потерял этот пост. Сыграл решающую роль в свержении последующего правительства Шлейхера и подготовке первого Кабинета Гитлера. При Гитлере вице-канцлер до 1934 г.

¹⁷ С 1926 по 1937 г. правительством рейха и правительством Прусской земли была развернута программа поддержки сельскохозяйственной политики для восточных прусских земель. На рубеже 1932–1933 гг. разразился скандал, связанный с этой программой. Возможная причастность к нему рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга могла сыграть определенную роль в назначении Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 г.

¹⁸ Имеется в виду разорившееся имение сестры Гинденбурга. *Примеч. пер.*

¹⁹ Грегор Штрассер (1892–1934) вступил в НСДАП в 1920 г. и был одним из ее виднейших представителей. В 1926 г. возглавил партийную работу по пропаганде, с 1932 г. руководил и организационно-партийной работой. Однако в конце 1932 г. его пути с Гитлером разошлись. При молчаливом невмешательстве последнего Гиммлер и Геринг приняли решение о физической ликвидации Штрассера. В «ночь длинных ножей» он был арестован и застрелен в тюремной камере 30 июня 1934 г.

²⁰ Курт фон Шлейхер (1882–1934) – генерал и политик. За период короткого канцлерства в декабре-январе 1932–1933 гг.

денбургу арестовать сына на станции Берлин-Фридрихштрассе и в течение ночи держать под стражей. Исполнителем этой акции, по-видимому, был тот самый генерал фон Бредов²¹, который вскоре, полтора года спустя, во время путча Рёма вместе с Шлейхером поплатился жизнью за последнюю попытку защититься от угрозы правления Гитлера. Как бы то ни было, но все говорит о том, что чудовищной трагедии, которая в результате смены Кабинета обрушилась на нас, мы обязаны именно этой акции шантажа и минутному замешательству дома Гинденбурга.

Я не собираюсь спорить с покойным, пассивная позиция которого 9 ноября 1918 года кажется мне изменой короне. Seriously задуматься об этом меня заставляет то, что говорят о последних днях его жизни. Умиравший маршал запретил Гитлеру переходить порог опочивальни и подходить к постели, но этот наглец, престиж которого был бы сильно подорван без последнего приема у смертного одра, с силой пробился туда и теперь стал объектом странного и действительно зловещего прощания: умирающий, который никогда не мог простить себя за предательство, совершенное против кайзера шестнадцать лет назад, принял его за императора, погладил руку и *попросил прощения*.

Если хотя бы часть всех этих версий окажется правдой, Германию может ожидать скандал, подобного которому еще не было в ее истории. Я думаю сейчас не столько о статуарном изображении старого человека, который отставал от своего времени и, при ясном рассудке, был, конечно, не способен на неверный поступок. Мне хотелось бы верить, что его спокойствие во время мировой войны, нередко граничащее с беспечностью, часто спасало ситуацию, которая оказывалась под угрозой из-за полипрагмазии²² Людендорфа²³. Более чем странная во всех отношениях вдова генерала Гофмана, недавно посетившая меня здесь, в Кимгау, в первый же день вытряхнула на мой стол пачку военных писем своего супруга, из которых одно, датированное поздней осенью 1914 года, накануне северопольской кампании, запечатлелось в моей памяти навсегда. «Он (то есть главнокомандующий) весь день охотится, приходит в штаб только вечером, ему зачитывают приказы на следующий день, и он говорит: „С Богом, ребята, я бы лучше не смог“. Господин фон Бетман-Хольвег²⁴ объявил, что в ближайшие несколько дней посетит нас, чтобы осведомиться о стратегической ситуации у Гинденбурга. Мы должны будем ему объяснить, что он думает о стратегической ситуации, *потому что он даже не представляет, где находятся его войска*». Как я уже говорил, я не собираюсь спорить с человеком, ушедшим в мир иной. Он занимал должность, превышающую его возможности, и был для нее слишком стар и, возможно, слишком болен.

Поражаюсь глупости целого народа, который смирился с этой сборной солянкой узурктуариев и немощных люмпенов. Немцы, пока вверяют свою судьбу сменяющимся кабинетам, никогда не избавятся от потрясений, конвульсий, политического самобичевания. Немцы, как они есть, нуждаются в сильной руке. Конечно, она должна выглядеть иначе, чем «достойный цыган-премьер», которого судьба подарила нам в самые тяжелые времена.

11 августа 1936

тщетно пытался заручиться поддержкой партий и профсоюзов. В 1934 г. стал одной из жертв во время путча Рёма.

²¹ Фердинанд фон Бредов (1884–1934) – глава авбера; исполнял обязанности министра обороны в Кабинете К. фон Шлейхера. *Примеч. пер.*

²² Полипрагмазия – в медицине одновременное (нередко необоснованное) назначение множества лекарственных средств или лечебных процедур. *Примеч. пер.*

²³ Эрих Людендорф (1865–1937) – генерал и командующий армией в Первой мировой войне, действия которого оценивались неоднозначно. Считался символической фигурой народно-реакционной политики. Один из главных участников неудавшегося Пивного путча в ноябре 1923 г.

²⁴ Теобальд фон Бетманн-Хольвег (1856–1921) – рейхсканцлер с 1909 по 1917 г. Считалось, что он слишком уступает непредсказуемым решениям кайзера Вильгельма II. Это в конечном итоге привело к его отставке.

С Франкенбергом, которого встретил в Мюнхене, говорю о Рёме²⁵. Рём, как и следовало ожидать от старого солдата, принял смерть мужественно и стойко, отругав как следует отвратительный тюремный кофе, – но по версии, распространенной Геббельсом и его пособниками, он спрятался от палачей под кроватью, – это одно из самых гнусных оскорблений, состряпанных на фабрике лжи Министерства пропаганды, трусливое осквернение мертвого, как правило, рано или поздно отомстит клеветнику. Кстати, о молодом Шпрети²⁶ я слышал, что он в момент смерти перевозил Гитлера. А музыкальному критику Шмиду пришлось умереть, так сказать, по ошибке, из-за трагического недоразумения с однофамильцем – похоже, что взяли телефонный справочник, в котором список с этой фамилией довольно внушительный, и в соответствии с лозунгом «лучше перестраховаться, чем пожалеть» в загробный мир отправили целую группу разных Шмидов, пока не добрались до нужного. Стоит еще упомянуть семидесятидвухлетнего господина фон Кара²⁷, которого головорезы СС не застрелили, а забили до смерти каблуками во дворе отеля «Мариенбад».

Это одно из самых темных и необъяснимых скандальных дел последних лет, которое однажды приведет к ужасным разоблачениям. Если не ошибаюсь, то здесь пересеклись совершенно разные намерения путчистов. Старый Гугенберг²⁸ за несколько дней до этого говорил в казино киностудии УФА об «ожидаемых событиях», которые «скоро позволят УФА выпускать свободную, не обремененную цензурой продукцию», а Папен в Марбургской речи, подготовленной для него помощником Юнгом²⁹, создавал впечатление, будто он, как ловкий Одиссей, готов, раскаявшись, вернуться в лагерь консервативного центра. Юнг, которого я всегда считал евреем и который скорее из честолюбия стал одержимым политическим махинатором, заплатил за эту речь жизнью, а его Господин и Владыка Папен, заслуживающий повешения уже только за свою невероятную глупость, укрылся под сильным крылом старого Гинденбурга. Я же надеюсь, что человек, который занят сейчас подрывом Австрии и который находит себе применение везде, где политика растворяется в мелких интригах (Бисмарк называл это «ежедневной грязной работой»)… я надеюсь, что он не избежит своей участи. Тот, кто за внешним обликом джентльмена скрывает самолюбие и уверенность ротвейлера и кто высокую политику представляет себе как цепь интриг и конокрадства, при всей своей хитрости глуп, как печная труба, – дурь и бесстыдство, которое, конечно, может быть в паре с хитростью, ни в коем случае не является оправданием, а скорее пороком. Но вернемся к делу Рёма: похоже, что великий Маниту во время наступления апачей на Висзее собственноручно казнил некоторых противников. С другой стороны, я слышал, что одна из жертв – вроде бы Хайнес³⁰ – ревел от ярости и оборонялся с пистолетом в руке, преследуя Гитлера, удирающего по лестнице господина и учителя, пока тот не улизнул, захлопнув за собой обитую железом дверь в подвал. Для молодого государства неплохое начало в гамлетовском стиле – вступление, обещающее все что угодно в будущем.

А пока, работая над книгой³¹ о мюнстерском анабаптистском режиме, я с глубоким потрясением читаю средневековые тексты об этой подлинно немецкой ереси, которая во всех

²⁵ Эрнст Рём (1887–1934) – глава национал-социалистических штурмовых отрядов (СА), с 1933 г. рейхсминистр. 30 июня 1934 г. Гитлер приказал арестовать его, обвинив в подготовке путча и казнить. В связи с якобы готовившимся путчем Рёма было убито более сотни руководителей СА и других лиц, неугодных Гитлеру.

²⁶ Граф Ганс фон Шпрети (1908–1934) – руководитель СА и личный адъютант Э. Рёма.

²⁷ Густав фон Кар (1862–1934) – премьер-министр в 1920–1921 гг. и государственный комиссар Баварии в 1923 г.; некоторое время сотрудничал с Гитлером в ноябре 1923 г., но затем способствовал провалу гитлеровского путча.

²⁸ Альфред Гугенберг (1865–1951) – промышленник, основатель издательства и киноконцерна, покровитель Гитлера и рейхсминистр в 1933 г.

²⁹ Эдгар Юнг (1894–1934) – общественно-политический деятель, писатель («Господство неполноценных», 1927), советник Папена, был убит во время путча Рёма.

³⁰ Эдмунд Хайнес (1897–1934) – лидер СА и начальник полиции Бреслау с 1933 г.

³¹ *Reck-Malleczewen F. Bockelson, Geschichte eines Massenwahns. Berlin: Schützen-Verlag, 1937 (Рек-Маллечевен Ф. Бокель-*

без исключения... даже самых нелепых деталях явилась предтечей того, что мы переживаем сейчас. Как и Германия сегодня, город-государство Мюнстер на долгие годы полностью отделяет себя от цивилизованного мира, как и нацистская Германия, он долгое время добивается успеха за успехом и кажется непобедимым, чтобы наконец пасть совершенно неожиданно и, так сказать, из-за сущего пустяка...

Как и у нас, там неудачник, выродок, зачатый, так сказать, в сточной канаве, становится великим пророком, как и у нас, всякое сопротивление капитулирует перед ним, необъяснимо для изумленного окружения, как и у нас (совсем недавно в Берхтесгадене восторженные женщины глотали гравий, на который ступал он, наш досточтимый цыган-премьер!)... как и у нас, истеричные женщины, стигматизированные учителя народных школ, беглые священники, преуспевающие сводники и аутсайдеры всех мастей – вот опора этого режима. Сходств так много, что мне приходится их игнорировать, чтобы совсем не сойти с ума. В Мюнстере, как и у нас, идеология прикрывает похоть, жадность, садизм и непреодолимую потребность в признании, и любой, кто сомневается или хотя бы придирается к новой доктрине, обречен на казнь. Как и у нас, господин Гитлер в путче Рёма, так и в Мюнстере этот Бокельсон³² играет роль государственного палача; как и у нас, спартанское законодательство, в котором он держит жизнь нищих плебеев, ни в коей мере не распространяется на него и его бандитскую шайку. Как и у нас, Бокельсон окружает себя подручными, недостижимыми для покушений; как и у нас, существуют уличные сборы и «добровольные пожертвования», отказ от которых вызывает презрение; как и у нас, массы наркотируются народными праздниками, а ненужные здания возводятся так, чтобы простой человек не мог опомниться от впечатлений. Как и нацистская Германия, Мюнстер посылает свои пятые колонны и пророков для подрыва соседних государств, и то, что министр пропаганды Мюнстера Дузеншнур, как и его великий коллега Геббельс, *хромал*, – прямо анекдот, который мировая история приберегала четыреста лет: факт, который я, зная жажду мести нашего рейхслгуна, намеренно утаил в книге. На рубеже готики и Нового времени на короткое время появилось разбойничье государство, воздвигнутое на фундаменте лжи, которое угрожает всему старому миру вместе с императором и императорскими сословиями и старым миропорядком и, в сущности, имеет целью лишь удовлетворение жажды власти нескольких разбойников, единственное, что с нами еще не произошло из того, что случилось с мюнстерцами в 1534 году, – в осажденном городе они от голода пожирали собственные экскременты и даже собственных, тщательно замаринованных детей: это может настичь и нас, как и Гитлера с его спутниками настичет неизбежный конец Бокельсона и Книппердоллинк³³.

В полной растерянности я стою перед этими документами четырехсотлетней давности, пораженный предчувствием, что это сходство может быть вызвано не случайностью, а жуткой периодичностью психических абсцессов. Ибо что мы знаем о подземных расселинах и сводах, которые теряются в недрах жизни великого народа, – о катакомбах, в которых на протяжении многих поколений хоронили все наши мрачные желания, страшные мечты и мучения, наши пороки и забытые, оставшиеся без возмездия смертные грехи? В хорошие времена они появляются призраками в наших снах, художнику они представляются сатанинскими видениями – тогда на наших соборах готические горгульи выпячивают непристойные ягодицы и на святых створках Грюневальда с клювами страшных морд и когтистыми лапами проявляются симптомы всех пороков, а флагелланты во исполнение закона бьют Сальватора и в своем автоматизме исполнения закона даже вызывают жалость у зрителя...

сон: история массового безумия. Берлин: изд-во Шутцен, 1937).

³² Бокельсон (Иоанн Лейденский) – портной, родившийся в Голландии около 1510 г., был одним из предводителей, а затем «королем» фанатичной протестантской секты анабаптистов в Мюнстере. После ее уничтожения казнен в 1536 г.

³³ Бернхард Книппердоллинк – мэр Мюнстера и один из самых рьяных пропагандистов революционных планов Бокельсона. Обезглавлен в 1536 г.

Но как же быть, когда все, что в иных случаях скрыто в наших подземельях, выталкивается наружу в очищающий кровь фурункул, когда подземный мир время от времени рождает Сатану, который взламывает крышку склепа и выпускает злых духов из ящика Пандоры? Разве не так было в Мюнстере, консервативном до и после, и разве не объясняется там, как и у нас, тот загадочный факт, что все это произошло без сопротивления со стороны добра в правильном и трезвомыслящем народе, тем же жутким и не поддающимся пониманию космическим поворотом, который только что, с первого часа существования гитлеровского режима, из-за пятен на солнце портит урожай непрерывно дождливым летом, неведомыми паразитами покрывает старую землю и до немыслимой степени запутывает понятия добра и зла, моего и твоего, четного и нечетного, добродетели и порока, Бога и Сатаны?

На днях я приехал в Мюнхен, где тубафоном и грохотом литавр отмечался ставший уже повседневным праздник, в знакомой гостинице на вокзале я не смог найти номер, только временное убежище в старом городе напротив здания школы, в котором теперь, во время каникул, разместился отряд гитлерюгенда.

Я видел, как один из мальчиков, сбросивший ранец, оглядывал пустой класс, как его взгляд упал на распятие, висевшее над кафедрой, и юное, еще нежное лицо сразу исказилось от ярости, как он сорвал со стены и бросил через окно на улицу символ, которому посвящены немецкие соборы и звучащие коллонады Страстей по Матфею...

С восклицанием:

– Сгинь, проклятый еврей!

Вот что я видел. Среди моих знакомых я часто наблюдал, как дети доносят на своих родителей и тем самым пускают их под нож – нет, я не верю, что все они родились дьяволами во плоти; точно так же как истинный христианин не очаруется сказкой про можжевельник или о железном Генрихе, который, храня верность и горя по изгнанному, заколдованному господину, заковал свое сердце в железный обруч.

Моей жизни в этом болоте скоро пойдет пятый год. Более сорока двух месяцев я думал о ненависти, ложился спать с ненавистью, видел ненависть во сне, чтобы с ненавистью проснуться... Я задыхаюсь от осознания того, что нахожусь в плену у орды злобных обезьян, и ломаю голову над вечной загадкой – как народ, который еще несколько лет назад так ревностно охранял свои права, в одночасье погрузился в летаргию, в которой не только терпит господство вчерашних бездельников, но и, какой стыд, *уже не способен ощутить свой собственный позор как позор...*

На днях в Зеебруке я видел, как герр Гитлер, охраняемый снайперами, защищенный бронированными стенами автомобиля, медленно проезжал мимо: застывший, осклизлый, с пасмурным круглым луноподобным лицом, в котором, как изюм, торчали два меланхолических черных гагатовых глаза.

Так жалко, так горько, так бесконечно обидно, что тридцать лет назад, в самые мрачные времена вильгельминизма, такая экскрементальная личность даже не появилась бы по одним только физиогномическим причинам, а в кресле министра немедленно вызвала бы отказ в повиновении... и не докладывающих советников, нет, а даже портье и уборщиц.

А сегодня? Я слышал, что герр Гитлер недавно остановил доклад герра Кейтеля³⁴, бросив от недовольства бронзовую вазу прямо в голову генералу (который физиогномически прекрасен ему соответствует). И это сегодня? На фоне толпы, вязнущей в болоте позора? «И все, что они делали, должно быть правильно, ибо такова была воля Божья». Я прочитал это в хронике Мюнстера шестнадцатого века. Я не оккультист и не фантазер, я дитя своего времени со

---

³⁴ Вильгельм Кейтель (1882–1946) – фельдмаршал, в 1938 г. возглавил верховное командование вермахта, подписал капитуляцию Германии 8 мая 1945 г. Казнен как военный преступник после Нюрнбергского процесса в 1946 г.

всеми своими представлениями и придерживаюсь только того, что видел, и того, что всегда казалось мне единственно правильным решением.

Нет, тот, кто проезжал мимо в ограждении мамелюков, словно Князь мира сего, – не человек.

Он – фигура легенды о привидениях.

* * *

Лично, но не на собраниях, конечно, а с глазу на глаз, то есть в «дикой природе», так сказать, я встречался с ним несколько раз.

В 1920 году у моего друга Клеменса цу Франкенштейна³⁵, который в то время жил на вилле Ленбаха, я обнаружил странного святого, который, по словам слуги Антона, ни за что не хотел уходить и просидел там целый час. Это был *он*, собственной персоной! Он добился аудиенции у Кле, который до революции был главным интендантом королевских придворных театров, сославшись на свой интерес к оперным постановкам, которые ассоциировались с его прежней профессией и которые он, надо полагать, представлял себе как цепь фокусов декоратора и драпировщика. Пришел он, в то время еще неизвестный аутсайдер, «*en pleine carmagnole*»³⁶, так сказать, на встречу к неизвестному, нарядился в гетры для верховой езды, взял кнут, овчарку и мягкую шляпу и выглядел на фоне гобеленов и холодных мраморных стен странно, как ковбой, рассеянный в кожаных штанах с чудовищными шпорами и револьвером кольт на ступенях барочного алтаря. Так – еще худой и, наверное, немного голодный – он сидел с лицом жалкого метрдотеля, чувствуя себя в присутствии настоящего «господина барона» ошарашенным и подавленным одновременно, осмеливаясь сидеть из должного почтения только на одной половине своего аскетического зада и довольствуясь дружелюбно-прохладными замечаниями хозяина дома, как голодная уличная собака, которой бросили кусок мяса. Говорил только он, перескакивая с пятого на десятое, проповедовал, как раскольник, и, не имея с нами никаких разногласий, невольно перешел на крик, следуя привычке выступать на арене цирка Кроне, так что домашний персонал Франкенштейна, опасаясь ссоры между хозяином и гостем, сбежался и, чтобы защитить моего друга, вошел в комнату. Когда он удалился, мы сидели друг напротив друга в молчании и некотором недоумении... с неловким чувством, которое может возникнуть, когда единственный пассажир, с которым едешь в купе, оказывается сумасшедшим. Мы долго сидели, не начиная разговор. Наконец Кле встал, открыл огромное окно и впустил теплый весенний воздух. Я не хочу сказать, что мрачный гость был нечистоплотен и портил атмосферу, как это принято в Баварии. Но все же после нескольких вдохов мы избавились от гнетущего впечатления. В комнате не было особого запаха, но ощущалось напряжение неудачника.

По воле случая, занимаясь тогда в школе верховой езды в мюнхенских казармах и перекусывая иногда в пивной «Лёвенбройкеллер», я встретил того же человека во второй раз. Здесь он не переживал, что его могут в любой момент выставить на улицу, и он не стал, как у Франкенштейна, хлестать несчастным хлыстом свои несчастные гетры, так что на первый взгляд эта судорожная неуверенность исчезла. Он с большей энергией в этот раз принялся за проповедь и вылил на меня, имевшего после изнурительной поездки аппетит мастодонта и явное желание отдохнуть, целый океан тех двусмысленных политических пошлостей, которыми напичкана его известная книга. По понятным причинам я избавлю от подробностей тех, кто уже читал те строки. Макиавеллизм обыкновенного человека, с которым он представлял себе политику

---

³⁵ Барон Клеменс фон унд цу Франкенштейн (1875–1942) – композитор, главный интендант Берлинской придворной оперы, а затем Мюнхенского придворного театра.

³⁶ «Настоящим якобинцем» (*фр.*). *Примеч. пер.*

будущей Германии как цепь политических грабежей, а работу ведущего государственного деятеля как цепь махинаций, фальсификаций документов и нарушений контрактов, которые были типичны для учителей народных школ, сверхштатных налоговых инспекторов, машинисток... словом, всех тех, кто за это время действительно стал опорой его власти, кто откликнулся на зов чудесного парня, политического Чингисхана. С маслянистыми прядями, ниспадающими на лицо во время таких проповедей, он напоминал брачного афериста, который перед преступлением рассказывает, как собирается обмануть жаждущих любви кухарок. Впечатление развязной *глупости* – глупости, которая его объединяет с личным мамелюком, Папеном, – глупости, которая путает государственную службу с мошенничеством при торговле лошадьми, – это впечатление было не последним и не определяющим. С каждым разом меня все больше и больше удивляло, что этот Макиавелли, проповедующий между свиными колбасками и телячьими голягами, когда я пожал ему руку на прощание, поклонился, как метрдотель, получающий разумные чаевые: разве та известная ситуация в Потсдаме, когда старый Гинденбург пожал ему руку, не производит такого же впечатления – метрдотель, получающий чаевые? Я видел его позже в суде, когда о нем знали уже за пределами Мюнхена, и он должен был отвечать за какое-то нарушение на собрании... я наблюдал его в Берлине, когда он, уже известный человек, входил в холл отеля: в одном случае его взгляд, взгляд побитой собаки, ждал одобрения от самого мелкого судьи окружного суда, который председательствовал на заседании, в другом случае он подошел к портье отеля сгорбившись, будто хочет помпой откатать в холле воду и подлежит выдворению. Независимо от стремительной карьеры, в диагнозе, который я поставил два десятилетия назад, абсолютно ничего не изменилось. И сегодня ясно, что, лишенный естественной уверенности в себе и радости от самого себя, он, по сути, ненавидит себя и что его политическая полипрагмазия, его неумеренная потребность в признании, его апокалиптическое тщеславие проистекает лишь из одного желанья *прогреть* над всем своим болезненным опытом, самопознанием несчастного, состоящего из мусора и навозной жижи. Кое-что можно добавить – Эрна Ганфштенгль³⁷, которая знает его лучше, чем я, рассказала мне о усиливающейся день ото дня боязни привидений и особенно страхе перед душами убиенных, который гонит его вперед и запрещает долго оставаться на одном месте... тогда понятно, почему в последнее время он проводит бессонные ночи в своем домашнем кинотеатре и его несчастные операторы вынуждены показывать по шесть фильмов каждую ночь...

Все это может быть. И только уточняет мой диагноз. Я даже не верю, что этот человек был особенно аморальным по своей природе – квалификация великого преступника сделала бы ему слишком много чести. Если бы немецкое правительство создало мастерскую этому монстру, оплатило бы прессу, которая прославила его как величайшего художника всех времен и народов, своевременно удовлетворив таким образом его чрезмерное тщеславие, полагаю, его направили бы на вполне безопасный путь и он никогда бы не подумал поджечь мир. Нет, я не верю в его качества Борджиа, я верю, что инстинкт подавления явно ничтожной и глубоко заблуждающейся личности соединился с прихотью истории, которая, как когда-то в случае с дубильщиком Клеоном, позволила немного поиграть рычагами ее великого механизма. Я считаю, что все это совпало с горячкой целого народа. Да, я верю, что жалкий, выпущенный из стриндбергского ада демон, как в былые времена Бокельсон, совпал с моментом вскрытия абсцесса, что он пришел как воплощение мрачных, однако вполне усмиренных желаний масс... о, истинный и правдивый, как его мюнстерский предшественник, как фигура какой-нибудь немецкой легенды о привидениях.

Я увидел его потом вблизи еще раз. Именно в ту, полную предчувствий, осень 1932 года, когда Германию начало лихорадить. Мы с Фридрихом фон Мюкке ужинали в мюнхенской «Остерии Бавария», когда он вошел в ресторан, один, без обычных телохранителей, и занял

³⁷ Эрна Ганфштенгль – сестра Эрнста Ганфштенгля (см. примеч. 39).

место за соседним столиком. Он сидел там среди немцев, уже могущественный человек... чувствовал, что мы наблюдаем за ним и критикуем, чувствовал себя поэтому очень неудобно и сразу же принял воинственный вид мелкого чиновника, который вошел в дорогой ресторан, но теперь, когда занял место, требует за свои большие деньги, «чтобы его обслуживали и обращались с ним так же хорошо, как с благородными господами по соседству».

Да, вот он и сидел там, сырод Чингисхан, трезвенник Александр, Наполеон без женщин, бисмаркианец, которому пришлось бы пролежать в постели добрых четыре недели, если бы кто-то насильно скормил ему хоть один бисмарковский завтрак...

Я приехал в город на машине, в то время, в сентябре 1932 года, улицы были уже небезопасны, поэтому у меня наготове был пистолет и я мог бы легко застрелить его в почти безлюдном ресторане.

Я бы сделал это, если бы осознавал роль этого наглеца и предвидел наши многолетние страдания. В то время я принимал его лишь за героя юмористической газеты и не стал стрелять. Да это было бы и бесполезно, наше мученичество уже предрешено на высшем совете, и даже если бы он был привязан к железнодорожному полотну, то приближающийся скорый поезд заранее бы сошел с рельсов.

Сегодня много говорят о покушениях, которые предпринимались и проваливались. Так оно и продолжится, и ему будет сопутствовать удача, пока не придет час. Когда он наступит, гибель будет подкрадываться к нему со всех сторон – даже из тех углов, о которых никто не подозревал. В течение многих лет (и это как раз относится к ныне успешной стране демонов) бог будто спит. «Но если угодно будет Господу, – гласит русская пословица, – то и веник выстрелит»³⁸

---

³⁸ Пословица “Wenn aber Gott will, so schießt selbst ein Besen” считается немецкой, по другим источникам – еврейской. *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.